

© 2016 г.

А.С. МАНЬКИН, Е.В. РОМАНОВА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МАТЕРИАЛАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В числе юбилейных дат, пришедшихся на 2015 г., особое место занимает 70-летие окончания Второй мировой войны. К этому событию была приурочена международная научная конференция “Вторая мировая война в истории человечества, 1939–1945 гг.”, проходившая 15–16 сентября 2015 г. в стенах исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Ее организаторами наряду с МГУ выступили Отделение историко-филологических наук РАН, Российское историческое общество, Институт истории Национальной академии наук Беларуси.

Обращение к теме Второй мировой войны вызвано не только и не столько “круглой датой”. Ее роль в истории нашей страны и всего мира невозможно переоценить. Этот конфликт, участниками которого стало 61 государство, мобилизовавшее в армии более сотни миллионов человек, оказался беспрецедентным по своим масштабам. В ряде стран мировая война затронула жизнь каждой семьи, она отразилась на судьбе народов, государств и регионов мира, привела к ломке прежней и становлению новой системы международных отношений.

За 70 лет, прошедших со времени окончания Второй мировой войны, исследователи собрали огромный фактический материал по ее истории. Этому способствовало существенное расширение, особенно в последние десятилетия, доступной специалистам источниковой базы, введение в оборот многих архивных документов, взаимное обогащение национальных исторических школ посредством развития контактов между учеными разных стран. Результаты исследований нашли отражение в многочисленных документальных публикациях и обобщающих трудах, посвященных Второй мировой и Великой Отечественной войнам¹. Однако точка в разработке и изучении проблем, связанных с этими крупнейшими потрясениями XX в., еще не поставлена.

Состоявшаяся в Московском университете международная конференция была призвана подвести некоторые итоги исследований, обсудить методологические подходы, наметить перспективы для дальнейшего научного поиска. В Москву съехались историки из различных регионов России, а также из Азербайджана, Беларуси, Болгарии, Италии, КНР, Сербии, США, Швеции.

Манькин Александр Серафимович – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Романова Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ См., например, работы, вышедшие в свет только с начала нового столетия: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк; кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование, т. 1–2. М., 2015; Великая Отечественная война 1941–1945 годов, в 12 т. М., 2011–2015.

С приветственными словами к участникам конференции обратились ректор МГУ академик В.А. Садовничий, декан исторического факультета МГУ академик С.П. Карпов, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, член Президиума РАН академик В.А. Тишков, директор Института российской истории РАН д.и.н. Ю.А. Петров, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России д.психолог.н., профессор С.Л. Кандыбович. Были зачитаны приветствия от Председателя Государственной думы Федерального собрания РФ, председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина, начальника Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-полковника С.А. Макарова.

В годы Второй мировой войны объединенные усилия СССР и других стран антигитлеровской коалиции были направлены на отстаивание права народов на независимость, выбор собственного пути развития, противодействие нацизму и захватническим, агрессивным планам держав “оси”. Поэтому история Второй мировой войны – это история не только борьбы, но и сотрудничества государств с разными социально-политическими системами и лидеров, способных подняться выше идеологических догм и личных антипатий перед лицом общей опасности. Память о таком опыте межгосударственного взаимодействия, подчеркивали выступавшие, чрезвычайно важна в условиях современных международных отношений и существования глобальных угроз стабильности и миру.

Отмечая позитивную, созидательную роль, которую играет историческое знание в обществе, участники конференции вместе с тем обратили внимание на опасность использования истории как оружия в борьбе за достижение тех или иных политических целей. Само по себе это явление не ново. Пропаганда, битва “за умы и сердца”, всегда являлась неотъемлемой частью соперничества государств на международной арене. Но именно в последние годы подобная тенденция набирает особый размах, приобретая подчас характер откровенной психологической войны.

Уже в приветственных выступлениях были обозначены некоторые проблемы истории Второй мировой войны, требующие дальнейшего изучения или вызывающие дискуссию. Академик В.А. Тишков указал на важность обращения к сфере общественного сознания, эмоций, которые управляли действиями людей на войне, к вопросам повседневности и военного быта. Академик С.П. Карпов и Ю.А. Петров затронули тему войны на Дальнем Востоке, ее места в общем контексте Второй мировой войны, роли СССР в разгроме милитаристской Японии. В приветствии генерал-полковника С.А. Макарова говорилось о значении изучения опыта собственно военного противостояния, координации действий союзников, роли движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Эти и многие другие темы были рассмотрены в ходе дальнейшей работы пленарного и 10 секционных заседаний конференции. Всего на состоявшемся в МГУ международном форуме было представлено более 100 докладов.

Не претендуя на освещение в рамках данной статьи всех деталей и нюансов развернувшихся на конференции научных дискуссий, мы бы хотели сосредоточиться на тех из них, которые были связаны с анализом широкого комплекса проблем развития международных отношений в годы Второй мировой войны. Собственно научная часть конференции открылась докладом академика Ю.С. Кукушкина “Современное прочтение уникального опыта Отечественной войны и проблемы безопасности современного мира”. Обстановка военно-политической нестабильности, рост числа конфликтов, новые вызовы безопасности, как подчеркивалось в докладе, актуализировали обращение к международно-политическим аспектам истории Великой Отечественной и – более широко – Второй мировой войны. Различные стороны этой проблематики на пленарном заседании затрагивались также в докладах профессора МГИМО, зав. кафедрой истории и политики стран Европы и Америки, одного из ведущих отечественных американистов д.и.н. В.О. Печатнова, сотрудника стокгольмской Высшей школы экономики Л. Самуэльсона, ведущего исследователя Института Франклина и Элеоноры Рузвельт в Гайд-парке Д. Вулнера, члена-корреспондента НАН Беларуси А.А. Ковалени.

В рамках секционных заседаний наиболее активное участие в рассмотрении вопросов развития международных отношений приняли сотрудники кафедры новой и но-

вейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ, где уже давно ведется интенсивное изучение проблематики, связанной с этой темой. Еще в начале 1990-х годов здесь была создана специальная группа по изучению теории и истории международных отношений². В ее исследованиях заметное место занимает блок вопросов, связанных с осмыслением роли войн в эволюции международных отношений, их места в формировании системы международных отношений, в смене одних моделей системного комплекса другими³. В ходе работы конференции обсуждение этих проблем применительно к истории Второй мировой войны было сосредоточено преимущественно в двух секциях. В первой (председатель к.и.н. Р.А. Сетов) были проанализированы некоторые сюжеты, касающиеся предпосылок и причин Второй мировой войны. Во второй (сопредседатели д.и.н. А.С. Манькин, к.и.н. Н.Н. Наумова) рассматривался широкий круг вопросов, относящихся к международным отношениям военных и послевоенных лет.

Важной темой стал общий подход к изучению истории этого крупнейшего военного конфликта XX в. Необходимо назвать выступления д.и.н. В.И. Батюка, д.и.н. Т.В. Волокитиной, Д. Вулнера, д.и.н. С.В. Девятова, академика Г.А. Куманева, к.и.н. И.Э. Магадеева, д.и.н. В.О. Печатнова, к.и.н. Д.И. Портнягина, Л. Самуэльсона и других участников, использовавших новые фактические данные для подтверждения ключевых положений своих построений. Однако при нынешнем уровне осмысления сущности событий Второй мировой войны только на основании привлечения новых источников вряд ли возможен качественный скачок в углублении наших представлений о роли и месте данного конфликта в развитии человеческой цивилизации. Именно на решение этой проблемы, как нам представляется, и должны быть направлены усилия исследователей. Сфера международных отношений, безусловно, представляет собой лишь одну из сторон этого процесса. Но изменения в ней чрезвычайно важны, поскольку определяют среду для развития государств⁴.

В результате Второй мировой войны система международных отношений претерпела радикальную трансформацию. Многополюсная модель осталась в прошлом. Из войны мир вышел, уже имея контуры новой организации мирового сообщества, базирующейся на безусловном доминировании лишь двух центров силы, двух сверхдержав – СССР и США. Иными словами, итогом войны стало формирование условий для становления и развития биполярной модели. Это общеизвестный факт. Важно понять, то ли такой результат реформирования сферы международных отношений отражал общую тенденцию концентрации мощи во все меньшем количестве центров силы, то ли его следует рассматривать как аномалию в естественном процессе эволюции плюралистического по своей природе мирового сообщества, аномалию, порожденную невиданным по своим масштабам и ожесточению столкновением всех основных акторов международных отношений.

В ходе работы конференции были рассмотрены различные аспекты проблемы становления биполярного мира. Заслуживают внимания соображения, высказанные в докладе В.О. Печатнова, проанализировавшего специфику функционирования антигитлеровской коалиции. Он подчеркнул, что в основе сотрудничества “Большой тройки” времен войны лежали осознание государственных интересов и взаимных выгод, трезвый расчет и рациональная оценка ситуации. В то же время важно иметь в виду, что антигитлеровскую коалицию строили, преодолевая серьезное внутреннее сопро-

² См. Манькин А.С., Смирнов В.П. Новая специализация на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ. – Новая и новейшая история, 1993, № 2.

³ См., например: Введение в теорию международных отношений. Отв. ред. А.С. Манькин. М., 2001; Основы общей теории международных отношений. Отв. ред. А.С. Манькин. М., 2009; Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. Отв. ред. Л.С. Белоусов, А.С. Манькин. М., 2014.

⁴ Подробнее см.: Богатуров А., Косолапов Н., Хрусталева М. Очерки теории политического анализа международных отношений. М., 2003; Современная мировая политика. Отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2010.

тивление, идя на компромиссы и уступки, что сотрудничество требовало огромных усилий от каждой из сторон. Очевидно, что любая коалиция содержит в себе заряд противоречий. От гибкости ее лидеров зависит то, насколько участники объединения способны отодвигать разногласия на задний план ради достижения победы над общим врагом. Антигитлеровская коалиция не являлась исключением. Общеизвестно, что это было достаточно сложное, противоречивое объединение, каждый из участников которого имел собственные, нередко не совпадавшие с другими участниками коалиции интересы. Цементировало ее лишь наличие общего опасного врага. Констатация данного обстоятельства подчас затушевывает тот факт, что база для сотрудничества, по сути дела, этим и ограничивалась, и как только общая цель была достигнута, на первый план вышли расхождения в видении того, каким должен стать послевоенный мир. Претерпели изменения и позиции ведущих держав антигитлеровской коалиции в международно-политической иерархии. На ее вершине в результате войны оказались лишь два участника “Большой тройки”.

Поэтому закономерно, что отдельная дискуссия на конференции развернулась по поводу оценки политики Великобритании накануне и в ходе войны. Участник антигитлеровской коалиции и “Большой тройки” в годы войны, Великобритания не смогла отстоять свои позиции одной из ведущих держав в послевоенном мире, заметно уступив по степени влияния СССР и США. Крылась ли причина этого в соотношении объективных показателей мощи или в субъективном выборе определенного внешнеполитического курса, который в итоге не позволил Лондону сохранить свое место в международно-политической иерархии? Думается, однозначный ответ на этот вопрос дать невозможно. Во многом консервативный менталитет явно мешал британскому руководству воспринять стремительно менявшиеся реалии мировой политики. Еще в предвоенные годы, осознавая угрозу, исходившую от Третьего рейха, оно, тем не менее, предпочло откладывать решение очевидно назревавших проблем, оказалось не готово кардинально пересмотреть свой внешнеполитический курс.

В рамках антигитлеровской коалиции, как отмечали выступавшие на конференции, Великобритания скорее тормозила ее развитие, чем способствовала росту эффективности этого альянса, и не только из-за крайне подозрительного отношения к СССР, но и в силу того, что в Лондоне не хотели мириться с необратимыми изменениями, охватившими нашу планету под непосредственным влиянием войны. Данный тезис так или иначе присутствовал практически во всех докладах, заслушанных на заседании секции по международным отношениям. Это касалось и вопросов послевоенного урегулирования, и ситуации в Южной Азии, и осмысления уроков войны военно-политическим истеблишментом “туманного Альбиона”. Все эти просчеты вкупе с серьезными издержками в финансово-экономической сфере привели к тому, что позиции Англии в деле выстраивания основ послевоенной модели международных отношений оказались изначально подорваны. Она явно не могла играть той роли, которая принадлежала ей в межвоенный период.

Что касается резкого возрастания роли США в мировых делах, то здесь ситуация в целом вполне понятна и об этом немало написано в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей⁵. Неудивительно, что на конференции эта тема не привлекла особого внимания. Исключение составляет, пожалуй, вопрос о влиянии на процесс становления послевоенного мирового порядка оружия нового поколения – ядерного. В этом ряду можно выделить два сюжета, которые сегодня в наибольшей мере будоражат умы исторического сообщества. Во-первых, это вопрос об ответственности (моральной, политической или правовой) администрации Г. Трумэна за атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Конечно, рассчитывать на то, что в обозримом будущем могут быть даны какие-то правовые оценки этих событий, вряд ли реально. Но то, что вопрос теперь ставится в такой плоскости, свидетельствует об определенных

⁵ См., например: *Ambrose S., Brinkley D. Rise to Globalism. American Foreign Policy since 1938.* New York, 1997; *Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США.* М., 2012.

изменениях во взглядах на роль силовых методов с использованием оружия массового поражения в решении конфликтных проблем.

Во-вторых, споры разворачиваются вокруг оценки той роли, которую сыграли появление ядерного оружия и начало советско-американской ядерной гонки в становлении биполярной системы. Этим сюжетам на конференции был посвящен доклад ведущего научного сотрудника Института США и Канады РАН В.И. Батюка. В ходе оживленного и заинтересованного обсуждения его доклада были высказаны различные точки зрения, что отражает общую неопределенность в рассмотрении данной проблемы. Сторонники традиционного подхода считают, что появление у США ядерного оружия в конце войны и временная монополия на обладание им привели к расширению сферы противоречий с СССР и стимулировали переход от сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции к жесткому противостоянию в рамках биполярного мира. Их оппоненты полагают, что на этой стадии фактор ядерного оружия имел скорее статусное значение и не особенно влиял на реальное соотношение военной мощи. Наличие оружия нового поколения у США как бы символизировало их превосходство в научно-технической, финансово-экономической сфере, подкрепляя претензии Вашингтона на мировое лидерство. И именно это обстоятельство, а не реальная опасность возникновения военного конфликта с использованием ядерного оружия беспокоило Москву, заставляло ее включиться в качественно новый виток гонки вооружений.

Данная, как нам кажется, во многом умозрительная конструкция достаточно уязвима, ибо США, обладая технологией создания ядерного оружия и имея первоклассную материально-техническую базу, могли быстро наладить его производство в масштабах, представлявших реальную угрозу безопасности СССР. На фоне неуклонно расширявшегося диапазона расхождений по все большему числу конкретных вопросов послевоенного урегулирования у советского руководства не могла не возникнуть обеспокоенность в связи с развитием ядерной программы США. Очевидно, что здесь присутствовал и статусный момент, но его вряд ли целесообразно абсолютизировать. Гораздо продуктивнее, на наш взгляд, вписать его в общий контекст становления “конфликтного взаимодействия” США и СССР, ставшего движущей силой эволюции биполярной модели.

Сегодня хорошо известно, что создание ядерного оружия потребовало от СССР огромного напряжения сил. Это, несомненно, способствовало закреплению за СССР статуса сверхдержавы. Но здесь возникает вопрос: как, несмотря на тяжелейшие материальные и людские потери, временную оккупацию значительной части территории страны, СССР сумел к концу войны не только восстановить, но и по многим параметрам преумножить свой экономический потенциал?

Казалось бы, эти сюжеты относятся к чисто экономической истории. Однако они весьма интересны и для международников, ибо уровень развития экономики окончательно превратился в годы войны в важнейшую составляющую понятия “мощь государства”, которая в свою очередь определяла место той или иной страны в системе международных отношений. Да и сам термин “сверхдержава”, символизирующий особую роль подобного государства в мировой политике, во многом связан с качеством его экономики.

Таким образом, изучение этих проблем открывает широкое поле деятельности не только для экономистов, но и для историков международных отношений. На конференции эти вопросы затрагивались в нескольких выступлениях. Здесь прежде всего хотелось бы упомянуть доклад академика Г.А. Куманева “Военная экономика СССР – один из факторов великой победы”. Приведенные в нем многочисленные факты наводят на вполне определенные размышления, суть которых сводится к следующему: высокая эффективность работы советской оборонной промышленности обуславливалась господством мобилизационной модели развития экономики. Эту модель отличают доминирование государственного регулирования всех аспектов хозяйственной деятельности, планирование выпуска основных видов промышленной продукции и добычи сырья, их жесткое распределение в рамках народного хозяйства. Иными словами, государство играло решающую роль в определении параметров и динамики народного хозяйства.

Отметим, что годы войны характеризовались резким возрастанием роли государства в регулировании экономической жизни во всех воюющих странах, включая оплот свободного предпринимательства – США. Конечно, его масштабы в разных государствах были далеко не одинаковы, и СССР в этом смысле прочно удерживал лидерство.

Споры о влиянии государственного регулирования на экономику не утихают и сегодня. На наш взгляд, уроки войны свидетельствуют, как минимум, о двух моментах. Во-первых, мобилизационную модель развития экономики следует рассматривать как важнейший атрибут в арсенале мер, используемых государством в чрезвычайных ситуациях (кризис, война и т.д.). Во-вторых, выбор именно такого варианта ее развития стал одним из важнейших факторов, не только обеспечивших СССР победу в войне, но и способствовавших качественному рывку советской экономики, поставившему ее на уровень, сопоставимый с США, и позволившему стать сверхдержавой.

Возникновению такого нового качественного явления, как сверхдержавы, по-видимому, способствовало и резкое ослабление прежних центров мировой политики. Некоторые из них на какое-то время вообще выпали из структуры международных отношений, в результате чего образовался “вакуум силы”. Державы, игравшие в довоенном мире очень весомую роль, особенно Германия и Япония, были в результате Второй мировой войны не только полностью разбиты, но и временно оккупированы, утратив свой суверенитет. Однако система международных отношений не терпит пустоты. Ее очень быстро заполняет кто-то из победителей. В той конкретной ситуации наилучшие возможности для этого были у США и СССР, что, естественно, еще больше укрепило их и без того прочные позиции в послевоенном мире. В изучении процесса заполнения “вакуума силы” пока немало лакун. Почему, например, Великобритания, имевшая гораздо более тесные связи с европейским политическим истеблишментом, чем США, не сумела использовать это обстоятельство в борьбе за “место под солнцем” в послевоенном мире? Почему США, где в те годы у руля государственной власти находились либералы, в Европе предпочитали делать ставку на консервативные силы? За счет чего США и СССР сумели в кратчайший срок полностью вытеснить профашистские силы с политической сцены? Как все это сказалось на становлении биполярной системы? Перечень подобных вопросов можно продолжать еще долго. Надо сказать, что на конференции эти сюжеты затрагивались лишь косвенно. Они явно ждут своих исследователей.

В последнее время все больший интерес историков вызывают события, разворачивавшиеся в годы Второй мировой войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Не секрет, что в Ялте Ф.Д. Рузвельт и И.В. Сталин главное внимание уделяли проблемам послевоенного урегулирования в Европе, полагая, что от этого и будет зависеть устойчивость новой модели международных отношений. Неудивительно, что процесс биполяризации наиболее стремительно развивался именно здесь. Жизнь, однако, показала, что роль Азии неизмеримо выросла и без ее прочной интеграции в структуру послевоенной модели международных отношений просто невозможно говорить о завершении формирования нового миропорядка. Не случайно, вторая волна биполяризации захватила как раз данный регион. Сопровождавшаяся опасными и острыми локальными конфликтами, она оказала сложное воздействие на послевоенный мир. Вполне можно согласиться с выступавшими на конференции китайскими коллегами, что все эти процессы еще требуют углубленного изучения.

А вот их тезис о том, что Вторая мировая война началась не 1 сентября 1939 г., а в 1937 г., вызывает возражения. При всей масштабности японо-китайского столкновения, называть его началом мировой войны все же неправомерно, ибо это была двусторонняя война – вооруженное столкновение лишь двух держав. Кроме Китая и Японии, напрямую оно не затрагивало других государств, и поэтому нет оснований считать его исходной точкой мировой войны. И все же, несмотря на определенные расхождения в трактовке ряда вопросов, дальнейшее развитие диалога историков двух стран обогатит и углубит наши представления о Второй мировой войне.

Естественно, на конференции рассматривались и те события, которые происходили в годы Второй мировой войны в странах континентальной Европы. (В этой статье

мы не будем касаться обсуждения на конференции различных аспектов участия в войне нашей страны. Это отдельная большая тема). Два сюжета в данном блоке кажутся нам наиболее перспективными для понимания сути перестройки сферы международных отношений. Прежде всего хотелось бы обратить внимание на доклад Н.Н. Наумовой, где был поднят вопрос о влиянии войны на развитие “европейской идеи”. В тех проектах, которые предлагали сторонники подобных планов, наблюдалась известная сумятица в отношении оценки будущего Западной Европы в послевоенном мире. Пожалуй, единственное, в чем они сходились, касалось того, что Европе без развития интеграционных связей будет непросто занять достойное место в структуре послевоенных международных отношений. Другое дело, что, верно фиксируя отдельные аспекты строительства послевоенного мира, сторонники создания Единой Европы в целом не сумели составить адекватного представления о тех проблемах, с которыми пришлось столкнуться европейским элитам в ходе становления биполярной системы.

Второй блок вопросов, явно нуждающихся в серьезном дополнительном изучении, относится к выяснению особенности поведения, роли и места нейтральных государств в конфликте, охватившем весь мир. Список вопросов здесь может быть очень обширным. Это и понятно. У нас в стране очень мало специалистов, которые занимаются этими сюжетами. Их можно буквально пересчитать по пальцам. Вероятно, ученым, занимающимся этой проблематикой, следует подумать о более тесных научных контактах и координации своих усилий, чтобы развернуть широкий исследовательский фронт по изучению роли такого явления, как нейтралитет.

Закономерно, что конференция, нацеленная на выявление значения и места Второй мировой войны в судьбах человечества, в обсуждении международно-политической проблематики была сконцентрирована прежде всего на рассмотрении характера и особенностей системного сдвига, произошедшего в результате этого мирового катаклизма. В то же время из поля зрения участников конференции не выпали вопросы, связанные с началом войны, ее причинами и предпосылками. Кажущаяся очевидность ответа на эти вопросы обманчива. Конечно, ни у кого не вызывает сомнений, что нацистская Германия являлась агрессором. Здесь исследователи гораздо более солидарны, чем, скажем, в оценке роли Германии в возникновении Первой мировой войны. Однако каковы были обстоятельства, позволившие ей накопить достаточную мощь и решиться на силовой слом системы? В чем причина того, что, пережив один масштабный мировой конфликт и понеся в нем огромные потери, европейские страны не смогли выработать общих подходов к проблеме обеспечения коллективной безопасности? Свою версию ответа на этот вопрос предложил Р.А. Сетов. Он обратился к структурной характеристике системы (которую определил как незавершенную биполярность), видя в ней одно из условий для начала войны. Именно структурные факторы, по оценке исследователя, повлияли на то, что в конце 1930-х годов в рамках системы образовалось “окно возможностей” для реализации целей Германии, которым Гитлер и воспользовался.

Другой стороне предвоенной реальности уделил внимание в своем выступлении Д. Вулнер. Тему его доклада – “Франклин Рузвельт и создание основ послевоенного мира” – скорее можно отнести к блоку проблем, связанных со становлением биполярной модели. Однако, как убедительно показал американский специалист, взгляды Рузвельта на вопросы послевоенного урегулирования формировались во многом под влиянием его мнения о слабости предвоенной модели международных отношений, прежде всего ее экономического компонента. Таким образом, обращенное к одному из аспектов складывания Ялтинско-Потсдамской системы выступление американского исследователя побуждает ставить вопрос о факторах, приведших к краху прежней, Версальско-Вашингтонской системы. Какое место среди них занимала Великая депрессия, стала ли она сама неизбежным последствием экономической ситуации, созданной Первой мировой войной? Как сказался на устойчивости системы изоляционизм наиболее мощной в экономическом отношении державы – США? И, наконец, самое важное – насколько жесткими являлись те рамки, которые задавала экономика для политического маневра?

В дискуссии по вопросу о причинах войны ученые обращались к оценке роли не только материальных, но и нематериальных структур, а именно – структур восприятия. Акцент на восприятии советской мощи на Западе накануне войны был сделан в докладе шведского исследователя Л. Самуэльсона. По его мнению, она оказалась явно недооцененной. Л. Самуэльсон видит причины этого как в специфике советского общества – его закрытости, так и в особенностях формирования западных оценок – в отсутствии какого-либо систематического изучения СССР, которое началось лишь после окончания войны. Определенную роль сыграл также фактор влияния эмигрантских кругов, скептически относившихся к новому режиму. Лишь немногие из западных дипломатов оказались достаточно прозорливы, чтобы предвидеть скрытые возможности советской системы в деле мобилизации ресурсов. Доклад Л. Самуэльсона неизбежно наводит на мысль о той роли в поддержании системной стабильности, которую играет способность политических элит государств адекватно воспринимать и оценивать международную ситуацию, намерения и возможности участников международно-политического процесса, просчитывать перспективы его развития. Как сказались представления о СССР на курсе западных стран в отношении Москвы? Были ли они одной из составляющих неудачи политики коллективной безопасности? Эти вопросы, безусловно, заслуживают дальнейшего изучения.

В поле зрения участников конференции находилась политика не только великих держав, но и малых стран накануне войны. Интересные темы поднимались в нескольких докладах, посвященных кризису Балканской подсистемы международных отношений. Это – периодизация данного процесса, соотношение роли великих держав и малых стран в распаде Версальского порядка в этом регионе, характер взаимодействия великих держав с местными игроками, оценка степени самостоятельности последних в решении внутрибалканских дел, а также степень влияния кризиса этой подсистемы на общее состояние системы международных отношений. Выступавшие отметили, что в вопросах взаимоотношений ядра и периферии системы международных отношений существует немало лакун, которые еще предстоит осваивать исследователям.

Можно долго перечислять сюжеты, которые осветили в докладах участники конференции. Обращает на себя внимание не столь часто попадающий в поле зрения исследователей аспект послевоенного урегулирования, связанный с отношениями СССР и Франции, о чем шла речь в выступлении к.и.н. А.И. Остапенко. Он попытался ответить на вопрос о том, каким образом фактически потерпевшей в 1940 г. поражение Франции в итоге удалось занять место среди держав-победительниц и какую роль в этом сыграла позиция СССР. Оживленную дискуссию вызвал доклад д.и.н. И.В. Быстровой по “вечной” теме – практике ленд-лиза в годы Второй мировой войны и его роли в победе Советского Союза.

Примечательно, что даже в выступлениях, посвященных другим аспектам войны, отчетливо звучала тема международных отношений, что обусловлено тотальным характером мирового конфликта, тесной взаимосвязью в его ходе всех сторон жизни обществ. Это убедительно продемонстрировал доклад профессора исторического факультета МГУ, зав. кафедрой отечественной истории XX в. С.В. Девятова “Московский Кремль в годы Второй мировой войны”. В маскировке Кремля, проведении кремлевских приемов, организации охраны высшего руководства прослеживалась общая логика, заданная начавшейся войной. С.В. Девятов показал, насколько тесной была связь между европейскими событиями 1935–1938 гг. и режимом работы советского руководства в Кремле, как приближение войны может быть прослежено по таким редко используемым источникам, как, например, журналы дежурных секретарей в приемной И.В. Сталина.

Подводя итог дискуссиям, развернувшимся в рамках конференции, хотелось бы отметить стремление ее участников к расширению фронта исследований, к поиску новых подходов в решении ключевых проблем международных отношений военной эпохи. Можно констатировать, что они создали хороший плацдарм для дальнейшего углубленного изучения Второй мировой войны.